

ПРОБЛЕМА „ХРИСТИАНСКАГО СОЦІАЛИЗМА“

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, т. наз. «соціальный вопросъ», — съ тѣхъ поръ, какъ (примѣрно 100 лѣтъ тому назадъ) у европейскаго человѣчества открылись глаза и пробудилась совѣсть въ отношеніи нищеты, матеріальной нужды широкихъ слоевъ трудящагося народа, — существуютъ и многообразныя попытки занять христіанскую позицію въ этомъ вопросѣ, разрѣшить его съ точки зрѣнія христіанской вѣры; въ многообразныхъ формахъ, которыя мы не можемъ здѣсь перечислять и оцѣнивать, существуетъ, т. наз. «христіанскій социализмъ». По меньшей мѣрѣ отдѣльные люди или группы людей сознаютъ, что равнодушіе, пассивное отношеніе, христіанъ къ горькой нуждѣ множества ближнихъ есть великій грѣхъ христіанскаго міра; въ католической церкви, это сознаніе было официально возвѣщено и церковно санкціонировано въ извѣстныхъ энцикликахъ папъ Льва XIII и Пія XI. Люди, желающіе быть христіанами, начинаютъ чаще и острѣе ощущать, что было бы невыносимымъ фарисействомъ предаваться молитвѣ или богословскому умозрѣнію, упражняться въ христіанскихъ добродѣтеляхъ — и не испытывать при этомъ безпокойства о томъ, что за стѣнами церкви или нашего дома миліоны людей — въ томъ числѣ старики, женщины, дѣти — голодаютъ и гибнутъ отъ хозяйственной нужды. Если, по завѣту Христову, прежде чѣмъ приблизиться къ алтарю, нужно примириться съ ближнимъ, который чувствуетъ себя обиженнымъ нами — то можно ли оставаться равнодушнымъ къ тому, что миліоны нуждающихся, живутъ съ чувствомъ горькаго озлобленія противъ матеріально привилегированныхъ членовъ общества, спокойно обрекающихъ ихъ на голодъ? Правда, въ церкви всегда проповѣдуютъ милосердіе, заботу о бѣдныхъ, раздачу милостыни. Но ни для кого не секретъ, что христіан-

ское благотвореніе въ его обычной, распространенной формѣ есть дѣло весьма дешевое, подача грошей, нечувствительная для дающаго и не стоящая ни въ какомъ отношеніи къ нуждѣ ближняго; такое «благотвореніе» совершается по общему правилу безъ истинной любви къ ближнему, безъ малѣйшей воли къ жертвенности; оно легко совмѣщается съ холодностью, равнодушіемъ и даже жестокостью къ бѣднымъ во всей остальной, «внѣ церковной» нашей жизни и въ особенности въ нашихъ «дѣловыхъ» отношеніяхъ къ нимъ; чаще всего такое дешевое благотвореніе есть само видъ фарисейства. Но даже въ самомъ лучшемъ случаѣ такого рода благотворительность касается немногихъ отдѣльныхъ людей, почему либо намъ близкихъ или случайно намъ встрѣтившихся; то, что за этими предѣлами есть еще безконечное количество нужды и нищеты, обычно мало беспокоитъ христіанина; отъ укоровъ совѣсти онъ обычно отдѣлывается легкой безсердечной мыслью, что «нельзя же помочь всѣмъ». Можетъ по праву почитаться истиннымъ скандаломъ для христіанскаго міра, что въ противоположность этому распространенному въ немъ равнодушію къ судьбѣ обездоленныхъ подлинная, горячая забота о ней становится часто привилегіей людей невѣрующихъ и противниковъ христіанства. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ Н. А. Бердяевъ, успѣхъ и притягательная сила идей атеистическаго социализма и его самой крайней формы — матеріалистическаго коммунизма — въ первую очередь опредѣлены историческими грѣхами христіанскаго міра, его равнодушіемъ къ социальной нуждѣ. И социалистъ и коммунистъ пользуются этимъ положеніемъ, чтобы доказывать, что христіанская проповѣдь смиренія, терпѣнія и равнодушія къ земнымъ благамъ спужить только цѣлью удержать бѣдныхъ отъ ихъ стремленія къ достойному человѣческому существованію и охранять безстыдный эгоизмъ имущихъ классовъ. И къ стыду христіанскаго міра приходится признать, что это утвержденіе содержитъ долю безспорной истины: люди, именующіе себя христіанами — служители церкви и міряне — дѣйствительно часто кощунственно пользовались священными завѣтами христіанской вѣры, чтобы охранять привилегіи имущихъ и препятствовать улучшенію быта нуждающихся.

Исходя изъ этихъ простыхъ и общихъ положеній, могло бы показаться, что «христіанскій социализмъ» въ принципѣ вообще не есть проблема. И дѣйствительно, поскольку подъ «социализмомъ» мы будемъ разумѣть не что иное, какъ настроеніе дѣйственной любви къ ближнимъ, серьезнаго чувства отвѣтственности за ихъ матеріальную судьбу, всякій христіа-

нинъ, поскольку онъ хочетъ быть истиннымъ христіаниномъ, долженъ въ этомъ смыслѣ быть «соціалистомъ». Христіанинъ будетъ, конечно, воздерживаться отъ ненависти къ богатымъ — въ своемъ обличеніи ихъ грѣха эгоизма, онъ будетъ руководиться любовью къ обличаемымъ грѣшникамъ; и онъ будетъ остерегаться пытаться достигнуть соціальной справедливости черезъ демагогическое разнуздываніе эгоистическихъ страстей бѣдняковъ. Но онъ не останется равнодушнымъ къ самому факту соціальной несправедливости, и онъ открыто признаетъ грѣхомъ равнодушіе и холодность имущихъ въ отношеніи нужды ихъ обездоленныхъ ближнихъ. Онъ прежде всего будетъ самъ въ своей личной жизни стремиться къ добродѣтели подлинной, дѣйственной любви — будетъ, въ мѣру своихъ силъ, пытаться осуществлять завѣтъ Христа — дѣлиться послѣднимъ, что имѣешь, съ нуждающимся братомъ. И онъ будетъ призывать имущихъ къ покаянію, къ дѣйственной любви, къ заботѣ о бѣдныхъ. Смирненіе, скромность, воздержаніе отъ корыстолюбія онъ будетъ въ первую очередь проповѣдывать богатымъ, а не бѣднымъ; онъ будетъ сознавать, что проповѣдовать эти добродѣтели бѣднымъ, не впадая въ фарисейство, можно лишь послѣ того, какъ обнаружишь дѣйственное участіе въ ихъ нуждѣ и раздѣлишь съ ними то, что имѣешь. Повторяемъ: **въ этомъ смыслѣ** совершенно очевидно, что всякій, кто подлинно обладаетъ христіанской совѣстью и хочетъ быть христіаниномъ, долженъ быть и «христіанскимъ соціалистомъ».

Однако, подлинная проблематика того, что въ специфическомъ смыслѣ называется «христіанскимъ соціализмомъ», вышесказаннымъ еще нисколько не затронута и только здѣсь и начинается. Эта проблематика содержитъ два существенныхъ момента.

1) Опытъ жизни, «мудрость вѣка сего» свидѣтельствуешь съ безспорной очевидностью, что личная благотворительность, индивидуальныя усилія любви недостаточны, чтобы не только устранить, но и сколько нибудь существенно смягчить... соціальную нужду широкихъ массъ. Люди самоотверженные, исполненные подлинной христіанской любви, всегда составляютъ ничтожное меньшинство; приходится считаться съ фактомъ, что огромное большинство людей корыстны, эгоистичны, равнодушны къ нуждамъ ближнихъ. При этихъ условіяхъ устраненія или сколько нибудь существеннаго смягченія соціальной нужды, можно ожидать только отъ **соціальныхъ реформъ**, т. е. отъ **принудительнаго регулированія** соціальныхъ отношеній государственной властью (ограниченіе рабочаго времени, уста-

навливаемый закономъ минимумъ заработной платы, принудительное страхование, законодательное нормированіе жилищныхъ условий, аграрное законодательство и т. п.). Спрашивается: какъ долженъ относиться христіанинъ — именно **въ качествѣ** христіанина, т. е. изъ глубины своей специфически христіанской жизненной установки — къ идеѣ социальныхъ реформъ? Этотъ вопросъ сводится въ конечномъ счетѣ къ вопросу: какъ долженъ христіанинъ оцѣнивать мѣры **внѣшняго, организаціоннаго** порядка, направленные на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ людей?

2) Тотъ же вопросъ выступаетъ съ особенной рѣзкостью и приобретаетъ особую остроту, поскольку рѣчь идетъ о христіанскомъ отношеніи къ **«соціализму»** въ специфическомъ смыслѣ этого слова. Какъ извѣстно, социалистическое ученіе утверждаетъ, что т. наз. «буржуазный строй», т. е. строй, основанный на частной собственности и принципиальной свободѣ труда и экономической жизни, неизбежно приводитъ къ обогащенію немногихъ за счетъ нужды и нищеты большинства; поэтому онъ долженъ быть замѣненъ строемъ «социалистическимъ», при которомъ экономическая жизнь и распределеніе народнаго дохода регулировались бы, въ интересахъ справедливости, государственной властью или вообще какимъ либо планомѣрно дѣйствующимъ органомъ коллективной народной воли. (Мы сознательно даемъ наиболѣе широкое опредѣленіе социализма, подъ которое могутъ подойти разные типы его конкретнаго осуществленія). Оставляя здѣсь въ сторонѣ чисто экономическую или социологическую, т. е. вообще эмпирическую проблематику — иначе говоря, допуская безъ спора — для упрощенія вопроса и уясненія его принципиальной стороны, — что въ отношеніи справедливаго распределенія дохода и вообще матеріальнаго благополучія народныхъ массъ социалистическій строй, имѣетъ преимущество передъ, т. наз. буржуазнымъ, т. е. строемъ, основаннымъ на частной собственности, и экономической свободѣ*) — поставимъ вопросъ: долженъ ли христіанинъ въ силу этого быть (по мотивамъ своего христіанскаго сознанія) сторонникомъ социалистическаго строя, или же онъ имѣетъ свои, христіанскія, возраженія противъ него — или, наконецъ, онъ можетъ или даже долженъ оставаться индифферентнымъ въ этомъ спорѣ, не занимая въ немъ никакой позиціи, (что есть, кажется, наиболѣе распространенная установка?).

Несмотря на несомнѣнную связь двухъ указанныхъ вопросовъ, мы для ясности должны ихъ расчлениить и рассмотретьъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

II.

Итакъ, спросимъ себя прежде всего: каково должно быть христіанское отношеніе къ «соціальному вопросу», поскольку этотъ вопросъ практически разрѣшается не въ порядѣ христіанской любви и индивидуальнаго благотворенія, а въ порядкѣ осуществляемыхъ государственной властью принудительныхъ соціальныхъ реформъ? Долженъ ли христіанинъ, именно въ качествѣ христіанина, быть соціальнымъ реформаторомъ и **въ этомъ смыслѣ «соціалистомъ»?** Или задача принудительнаго, государственнаго осуществленія соціальной справедливости вообще выходитъ, въ качествѣ проблемы чисто земного, матеріальнаго устройства жизни, за предѣлы специфически христіанскаго интереса? Или здѣсь возможна еще какая нибудь иная, третья, установка?

Одно кажется намъ, прежде всего, совершенно безспорнымъ. Если христіанская вѣра есть обладаніе полнотой правды, то христіанская религіозная жизнь и религіозная установка не есть какая нибудь частная, ограниченная сфера жизни, чуждая всѣмъ остальнымъ областямъ жизни и равнодушная къ нимъ; напротивъ, она должна охватывать всю нравственную и, тѣмъ самымъ, соціальную жизнь и имѣть въ отношеніи ея свою, специфически христіанскую установку. Этимъ сразу отвергается, съ одной стороны, индифферентизмъ въ отношеніи соціальнаго вопроса и, съ другой стороны, всѣ попытки просто механически сочетать съ христіанствомъ какія либо господствующія въ нехристіанской средѣ типическія воззрѣнія по этому вопросу. Что касается послѣдняго момента, то христіанинъ долженъ, конечно, смиренно учиться правдѣ, даже если ее высказываетъ невѣрующій; и въ этомъ смыслѣ нужно считаться съ фактомъ, что инициатива заботъ о соціальной справедливости и о разрѣшеніи соціальнаго вопроса принадлежала — и, пожалуй, и доселѣ принадлежитъ — невѣрующимъ. Христіанскій міръ долженъ честно признать этотъ устыжающій его фактъ, долженъ смиренно учиться у невѣрующихъ самой ихъ заботѣ о соціальной правдѣ. Но, съ другой стороны, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы механически покорно признавать правильными и усваивать сами **отвѣты** невѣрующихъ на этотъ вопросъ. Ложная религіозная установка можетъ, правда, сочетаться съ вы-

---

*) По существу мы думали, что опытъ соціалистическаго хозяйства (и въ Россіи и въ Германіи) опровергаетъ это утвержденіе и свидѣтельствуетъ о прямо противоположномъ.

сокимъ уровнемъ нравственныхъ стремленій, но никакъ не можетъ лежать въ основѣ истиннаго жизнепониманія. Поэтому христіанское отношеніе къ соціальному вопросу, христіанское пониманіе путей его разрѣшенія не можетъ быть простой копіей пониманія нехристіанскаго, а должно носить на себѣ явственный отпечатокъ основоположной религіозной сущности общей христіанской установки.

Въ чемъ заключается существо этой христіанской установки, ея принципиальное отличіе отъ установки не христіанской? Нельзя, конечно, уложить смыслъ христіанскаго сознанія въ какую либо одну отвлеченную формулу; однако можно все же отвлеченно выразить наиболѣе существенный его признакъ. Онъ состоитъ въ томъ, что христіанскому жизнечувствію и жизнепониманію присуще сознаніе коренной, «нераздѣльной и неслиянной», до конца міра и его чаемаго послѣдняго преображенія неустранимой двойственности сферъ бытія, въ которыхъ живетъ и къ которымъ причастенъ христіанинъ. Въ какихъ бы словахъ мы ни формулировали эту дѣйственность — какъ царство «небесное» и царство «земное», какъ внутреннюю жизнь съ Богомъ или «во Христѣ» — и жизнь въ «мірѣ», какъ сферу «церкви» (въ основномъ, мистическомъ смыслѣ этого понятія) и сферу «міра», или какъ сферу «благодати» и сферу «закона» — самый фактъ этой двойственности и его существенный смыслъ непосредственно понятенъ и очевиденъ всякому сознанію, внутренне причастному христіанскому откровенію. Изъ этой двойственности совсѣмъ не вытекаетъ, какъ это часто думаютъ, совершенное равнодушіе къ «міру», полная замкнутость въ одномъ лишь «небесномъ»: такая позиція означала бы, наоборотъ, отсутствіе указанной основоположной для христіанскаго сознанія двойственности. Если христіанинъ обязанъ стремиться къ подавленію и угашенію своихъ собственныхъ эгоистическихъ «мірскихъ» интересовъ, то въ своей христіанской любви къ ближнимъ онъ, напротивъ, не имѣетъ права не считаться и съ ихъ «мірской», «земной» нуждой. Но одно все же слѣдуетъ изъ этой своеобразной христіанской установки — именно сознаніе, что земнымъ нуждамъ во всякомъ случаѣ не исчерпывается нужда человѣка, болѣе того: что духовная жизнь и ея нужда обладаютъ нѣкимъ **онтологическимъ приматомъ** надъ жизнью земной и ея интересами.

Отсюда для нашей темы слѣдуютъ нѣкоторые, весьма существенные выводы. Поскольку дѣйственная любовь къ ближнему требуетъ — для своего подлинно плодотворнаго осуществленія — своего выраженія въ «соціальныхъ реформахъ», т. е.

въ формѣ установленія нѣкаго новаго организаціоннаго порядка — нѣтъ никакого основанія, чтобы христіанинъ относился принципиально отрицательно или даже только равнодушно къ такого рода мѣропріятіямъ; напротивъ, въ принципѣ онъ долженъ будетъ сочувствовать всѣмъ мѣрамъ, содѣйствующимъ установленію соціальной справедливости. Однако, при всемъ своемъ принципиальномъ сочувствіи соціальнымъ реформамъ, поскольку послѣднія выражаютъ въ сферѣ организованной коллективной воли заботу о судьбѣ ближнихъ, христіанинъ никогда не сможетъ считать такое организаціонное преобразованіе человѣческихъ отношеній **единственнымъ** и даже только **наиболѣе существеннымъ** путемъ къ преодолѣнію человѣческихъ бѣдствій. Ибо онъ знаетъ, что эти бѣдствія и общій трагизмъ человѣческой жизни имѣютъ болѣе глубокой, внутренней духовный источникъ, недоступный никакимъ политическимъ мѣрамъ. Съ одной стороны, человѣческая душа имѣетъ, кромѣ матеріальныхъ нуждъ, и нужды духовныя, которыя, конечно, никакими «соціальными реформами» удовлетворить нельзя. Если бы было непростительнымъ лицемѣріемъ и ханжествомъ отводить ссылкой на это заботу о матеріальной нуждѣ ближняго — если первый долгъ христіанина въ отношеніи голоднаго — накормить его, а не читать ему проповѣди, то этимъ все же не устраняется истина «не о единомъ хлѣбѣ живъ человекъ». И съ другой стороны, сами «земныя», матеріальныя нужды человека опредѣлены не только тѣмъ или инымъ соціально-политическимъ строемъ, а общей грѣховной, несовершенной природой человека. Христіанинъ не можетъ раздѣлять мысли Руссо, что зло человѣческой жизни опредѣлено неправильными общественными отношеніями. Поэтому христіанинъ никогда не можетъ быть соціальнымъ утопистомъ. Онъ никогда не будетъ раздѣлять вѣры, что какія либо соціальныя реформы или перевороты смогутъ устранить всѣ несправедливости, все зло, всѣ бѣдствія человѣческой жизни; онъ не можетъ вѣрить въ осуществленіе какими бы то ни было внѣшними организаціонными мѣрами царства правды, мира и блаженства — «царства Божія на землѣ». Онъ знаетъ, что и «соціальное зло, какъ всякое зло, въ конечномъ счетѣ опредѣлено грѣховной природой человека, поэтому не можетъ быть окончательно устранено никакими внѣшними человѣческими средствами. Онъ знаетъ, что страдать отъ неправды, царящей въ мірѣ, есть — впредь до чаемаго преображенія и окончательнаго обоженія міра — роковая, ничѣмъ непреодолимая судьба человека. Правда, это убѣжденіе не должно служить — какъ это, къ несчастью, часто бывало въ исторіи христіанства — поводомъ

къ равнодушію или пассивности въ отношеніи соціальной нужды людей и попытокъ смягчить ее соціальными реформами. Но при всей своей волѣ дѣйственно соучаствовать въ попыткахъ организаціоннаго улучшенія положенія людей, христіанинъ, по самому существу своей жизненной установки, не сможетъ видѣть въ соціальныхъ реформахъ ни панацеи отъ всѣхъ бѣдствій, ни единственной задачи своей жизни.

Сказанное выше можетъ на первый взглядъ показаться «общимъ мѣстомъ» или соображеніемъ формальнаго порядка, изъ котораго нельзя сдѣлать никакихъ конкретныхъ выводовъ по существу интересующаго насъ вопроса. Однако это не такъ. Изъ сказаннаго слѣдуютъ, напротивъ, весьма существенные конкретные выводы въ отношеніи христіанской установки въ соціальномъ вопросѣ. Христіанинъ не только не будетъ сочувствовать ученію матеріалистическаго социализма, основанному на вѣрѣ въ однѣ земныя блага, на возбужденіи классової ненависти и разнуздываніи инстинктовъ корысти и зависти въ народныхъ массахъ — что понятно само собой — но онъ и не сможетъ быть ни революціонеромъ (въ соціальномъ и политическомъ смыслѣ), ни вообще политическимъ или соціальнымъ фанатикомъ. Съ одной стороны, онъ отклонитъ, какъ гибельное заблужденіе, великій радикальный переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ, который всегда опирается на надежду сразу, единымъ взмахомъ избавить человѣчество отъ всѣхъ или хотя бы отъ наиболѣе существенныхъ его бѣдствій. Такъ какъ онъ заранѣе знаетъ, что всѣ человѣческія реформы суть палліативъ, что съ устраненіемъ однихъ бѣдствій, особенно чувствительныхъ въ данный моментъ, обнаружатся другія бѣдствія, о которыхъ люди сейчасъ не думаютъ, — то онъ будетъ склоненъ отдавать преимущество постепеннымъ и частичнымъ реформамъ передъ всякаго рода мнимо-спасительными переворотами, связанными съ великими потрясеніями. Именно въ силу своего религіознаго радикализма, именно въ силу своей над-мірной позиціи, христіанинъ будетъ въ сферѣ соціально-политическихъ реформъ умѣреннымъ и реалистомъ; въ отношеніи всѣхъ мірскихъ заботъ и плановъ онъ отдастъ предпочтеніе «здравому смыслу», основанной на жизненномъ опытѣ холодной мудрости передъ всякимъ страстнымъ энтузіазмомъ, рождающимся изъ слѣпой и ложной вѣры. И съ другой стороны, имѣя опытъ духовной основы всей человѣческой жизни, онъ всегда будетъ сознавать, что даже самая разумная и цѣлесообразная соціальная реформа, т. е. организаціонная перемѣна внѣшнихъ условій жизни, можетъ быть подлинно плодотворной лишь въ связи съ внутреннимъ, нравственнымъ и ду-

ховнымъ улучшеніемъ самихъ людей. Онъ никогда не забудетъ, что единственное, чему можно приписать универсальное значеніе въ человѣческой жизни, есть забота о внутреннемъ духовномъ строѣ человѣческой души. И въ этомъ отношеніи онъ поэтому также отдастъ предпочтеніе постепеннымъ реформамъ, связаннымъ съ перевоспитаніемъ человѣка, съ улучшеніемъ внутреннихъ навыковъ его жизни, передъ всякими послѣшными, внезапными и радикальными перемѣнами.

III.

Эти предварительныя соображенія готовятъ насъ къ отвѣту на второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ: какова должна быть позиція христіанина при выборѣ между господствующимъ «буржуазнымъ» порядкомъ, основанномъ на частной собственности и хозяйственной свободѣ, т. е. на хозяйственномъ индивидуализмѣ, и социалистическимъ порядкомъ, въ которомъ государство или общество съ помощью правовыхъ нормъ, принудительно противодѣйствующихъ хозяйственному эгоизму, заботится о матеріальномъ благосостояніи трудящихся массъ? Какъ уже указано выше, для упрощенія вопроса мы оставляемъ въ сторонѣ всю чисто экономическую или социально-политическую проблематику и сосредоточиваемся исключительно на религіозно-нравственной сторонѣ вопроса.

Социализмъ въ своей критикѣ существующаго буржуазнаго порядка утверждаетъ, что частная собственность и неограниченная хозяйственная свобода личности не только приводитъ къ хозяйственному неравенству, къ раздѣленію общества на богатыхъ и бѣдныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ богатымъ, какъ хозяйственно наиболѣе сильнымъ, свободу эксплуатировать бѣдныхъ; такимъ образомъ, при буржуазномъ строѣ социальная несправедливость узаконяется самимъ правомъ, которое по существу должно было бы быть выраженіемъ начала справедливости. Если право цивилизованныхъ народовъ не терпитъ того, чтобы физически сильный истязалъ, угнеталъ, поработалъ физически слабого, то не долженъ ли этотъ же принципъ — ограниченія свободы сильнѣйшаго, гдѣ она ведетъ къ злоупотребленіямъ — примѣняться и въ отношеніи хозяйственной и социальной жизни? Формально свободный (въ демократіяхъ) бѣднякъ въ силу своей хозяйственной зависимости отъ богатаго становится фактически рабомъ послѣдняго. Не требуетъ ли долгъ элементарной справедливости, чтобы государство, отмѣнивъ или по крайней мѣрѣ существенно стѣснивъ

индивидуальную хозяйственную свободу, принудило богатыхъ считаться съ правомѣрными интересами бѣдныхъ?

На первый взглядъ могло бы показаться, что именно при полной искренности и послѣдовательности христіанскаго умонастроенія здѣсь вообще нѣтъ мѣста для сомнѣній. Порядокъ, основанный на правовомъ санкціонированіи корысти и эгоизма и приводящій къ эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми, самъ по себѣ не можетъ вызывать сочувствія христіанина. Это непосредственное нравственное чувство есть психологическое основаніе распространеннаго убѣжденія, что искренній и добросовѣстный христіанинъ долженъ тѣмъ самымъ быть социалистомъ, принципиально сочувствовать социалистическимъ требованіямъ. И все же вопросъ не такъ простъ, какъ это кажется съ перваго взгляда; и именно здѣсь насъ подстерегаетъ тяжкое и роковое искушеніе, и притомъ порядка чисто религіозно-нравственнаго.

А именно, основная проблематика заключена здѣсь въ вопросѣ: можно ли и дозволительно ли, съ точки зрѣнія христіанскаго сознанія, добиваться справедливаго, братскаго отношенія къ ближнимъ съ помощью **принужденія**? Можетъ ли христіанская заповѣдь любви къ ближнему быть превращена въ **принудительную норму права**? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, думается, совершенно очевиденъ: онъ состоитъ въ томъ, что это и **фактически невозможно**, и **морально и религіозно недопустимо**. Это невозможно, потому что любовь къ ближнему, какъ, впрочемъ, и всякое моральное умонастроеніе, не можетъ быть вынуждено, а можетъ только свободно истекать изъ глубинъ человѣческаго духа и его свободнаго богообщенія. Но именно поэтому это и недопустимо, ибо, не достигая своей подлинной цѣли, всякая попытка такого рода приводила бы лишь къ лицемерію, къ невыносимой фальсификаціи подлиннаго христіанско-этического умонастроенія. Всякая попытка **вынудить** какую нибудь христіанскую добродѣтель (идеть ли рѣчь о физическомъ принужденіи, какъ въ нормѣ права, или даже только о моральномъ принужденіи) означала бы сама измѣну христіанскому умонастроенію — измѣну религіи благодати и свободы — и впаденіе въ фарисейство, въ религію законничества и внѣшнихъ дѣлъ. «Господь есть Духъ; и гдѣ Духъ Господень, тамъ и свобода». Какъ бы часто, въ самыхъ многообразныхъ направленіяхъ, христіанскій міръ ни погрѣшалъ противъ этой истины, — она остается все же основоположной аксіомой христіанскаго сознанія.

Съ этой точки зрѣнія столь, казалось бы, естественной, почти незамѣтный переходъ отъ истиннаго христіанскаго умо-

настроения къ этически-политической позиціи «христіанскаго социализма» (въ специфическомъ смыслѣ этого понятія, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло) оказывается схожденіемъ съ истиннаго пути — заблужденіемъ, по существу совпадающимъ съ искушеніемъ «Великаго Инквизитора» у Достоевскаго. Къ самому существу христіанской вѣры принадлежитъ, что христіанинъ стоитъ передъ тяжкой альтернативой: либо оны остаются со Христомъ, т. е. съ христіанскимъ идеаломъ жизни, основаннымъ на свободной любви, — идя при этомъ на рискъ внѣшняго неуспѣха своего дѣла — либо же оны поддается стремленію облегчить человѣческія нужды съ помощью земной, внѣшней силы принужденія — и, тѣмъ самымъ, фактически отрывается отъ истиннаго существа христіанской жизненной установки, осуществимой лишь при полной внутренней свободѣ и отрѣшенности отъ мысли о внѣшнемъ успѣхѣ. Послѣдній членъ этой альтернативы не перестаетъ быть искушеніемъ, впадениемъ въ ересь, оттого, что побужденіемъ къ нему служить благородный, морально правомѣрный мотивъ любви къ людямъ. И положеніе тутъ таково, что чѣмъ отзывчивѣе человѣкъ на чужія страданія, чѣмъ болѣе страстно оны ищетъ правды въ человѣческихъ отношеніяхъ, тѣмъ легче ему впасть въ это заблужденіе. Вѣдь исходя именно изъ такого подлиннаго осуществленія правды на землѣ, противники христіанства вообще рассматриваютъ христіанскую вѣру, какъ «религію постоянной неудачи»; они ссылаются при этомъ на историческій опытъ, показывающій невозможность христіанизировать міръ, обратить его къ правдѣ на пути свободного слѣдованія заповѣди Христа. Но именно поэтому мы стоимъ здѣсь на роковомъ распутьи и должны сдѣлать выборъ между путемъ христіанскимъ и путемъ социалистическимъ.

Но что же это значитъ? Значитъ ли это, что христіанинъ, признавъ ложнымъ путь «социалистическій», тѣмъ самымъ долженъ солидаризироваться съ духомъ «буржуазнаго» строя, основаннымъ, какъ мы видѣли, на корысти и эгоизмѣ? И какъ согласовать выводъ, къ которому мы сейчасъ пришли, съ высказаннымъ выше утверженіемъ, что христіанинъ можетъ и даже долженъ быть сторонникомъ социальныхъ реформъ, которыя вѣдь тоже суть принудительныя мѣры къ осуществленію социальной справедливости и къ облегченію человѣческой нужды? Не приводитъ ли конкретно намѣченная нами мысль — вопреки всему, признанному нами выше — къ оправденію равнодушія христіанина къ социальной нуждѣ, т. е. къ нѣкому очевидному, съ христіанской точки зрѣнія, *reductio ad absurdum*?

Разрѣшеніе этого сомнѣнія подводитъ насъ наконецъ къ

усмотрѣнію подлиннаго, «царственнаго» пути христіанскаго сознанія въ проблематикѣ соціального вопроса.

Основоположная, сущностная установка христіанскаго сознанія, вытекающая изъ самаго существа христіанства, какъ религіи благодати, какъ жизни въ Богѣ — есть установка свободы, свободной любви. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ топорное раціоналистическое, «толстовское» утвержденіе, что всякое вообще принужденіе и всякое вообще мѣропріятіе внѣшняго, организаціоннаго порядка противорѣчитъ христіанскому сознанію и недопустимо для христіанина. Выше было указано, что изъ существа христіанской жизненной установки вытекаетъ двойственность между «жизнью въ Богѣ» и принадлежности къ «міру». Именно эта двойственность опредѣляетъ неизбѣжную двойственность путей христіанскаго овладѣнія жизнью. Признавая единственнымъ путемъ **спасенія** міра и человѣчества таинственную, незримую богочеловѣческую активность, совершающуюся въ глубинахъ человѣческаго духа и въ стихіи свободы и любви, — христіанинъ одновременно сознаетъ свою задачу — въ предѣлахъ міра — **ограждать** жизнь отъ силъ зла и содѣйствовать торжеству правды и добра. Эта послѣдняя задача именно и есть внѣшняя, организаціонная задача, для которой неизбѣжно внѣшнее принужденіе. Съ христіанской точки зрѣнія недопустимо не просто всякое принужденіе, какъ таковое (которое, напротивъ, при извѣстныхъ условіяхъ обязательно) — недопустимо только **смѣшеніе организаціонной задачи** — общѣ говоря: задача внѣшняго противодѣйствія злу и содѣйствія добру — съ **существеннымъ преобразеніемъ жизни**, осуществимымъ лишь черезъ свободную любовь. Одно дѣло — спасеніе и внутреннее возрожденіе или просвѣтленіе человѣческой жизни, и совсѣмъ другое дѣло — принятіе внѣшнихъ мѣръ къ ея охранѣ и къ содѣйствію росту ея внутреннихъ силъ. Сознаніе этого существеннаго различія даетъ намъ возможность точнаго опредѣленія отношенія христіанина къ «соціализму», къ «буржуазному строю» и къ «соціальной реформѣ».

Прежде всего, само понятіе «христіанскій соціализмъ» — поскольку подъ соціализмомъ разумѣть не умонастроеніе, а нѣкій общественный «строй» или «порядокъ» — содержитъ опасное смѣшеніе понятій и есть *contradictio in adjecto* уже въ томъ общемъ смыслѣ, въ которомъ противорѣчиво понятіе «христіанскаго общественнаго строя». Сферой христіанской жизни въ непосредственномъ и подлинномъ смыслѣ слова можетъ быть только церковь въ смыслѣ свободнаго любовнаго единства людей во Христѣ, а не какой либо государственный или общественный порядокъ. Если теперь, за предѣлами этого общаго

соображенія, мы спросимъ, какой строй или порядокъ болѣе соотвѣтствуетъ — въ планѣ правового порядка — христіанскому идеалу, то отвѣтъ на это не представитъ затрудненія. Съ точки зрѣнія христіанской вѣры и христіанскаго жизнепониманія предпочтеніе имѣетъ тотъ общественный строй или порядокъ, который въ максимальной мѣрѣ благопріятенъ развитію и укрѣпленію свободнаго братски-любовнаго общенія между людьми. Сколь бы это ни казалось парадоксальнымъ, но такимъ строемъ оказывается не «соціализмъ», а именно строй, основанный на хозяйственной свободѣ личности, на свободѣ индивидуальнаго распоряженія имуществомъ. Ибо соціалистическій строй, лишаяцій личность свободнаго распоряженія имуществомъ и принудительно осуществляющій соціальную справедливость, тѣмъ самымъ лишаетъ христіанина возможности свободно осуществлять завѣтъ христіанской любви (конечно, въ той мѣрѣ, въ какой осуществленіе христіанскаго завѣта вообще зависитъ отъ внѣшнихъ условій). Соціализмъ — не въ какой либо случайной отдѣльной формѣ своего осуществленія, а въ самомъ своемъ существѣ и общемъ замыслѣ — есть система жизни, отвергающая христіанскій идеалъ свободной братской любви (съ ссылкой на его неосуществимость въ виду эгоистической природы человѣка) и замѣняющая его государственно-правовымъ, т. е. принудительнымъ осуществленіемъ соціальной справедливости. Напротивъ, правовой строй, признающій свободу личнаго распоряженія въ хозяйственной жизни, есть необходимое или по меньшей мѣрѣ наиболѣе благопріятное условіе для осуществленія христіанской любви вплоть до пожертвованія всѣмъ своимъ имуществомъ и свободно-любовной общности имущества. (На этомъ основана имущественная общность первохристіанской общины, какъ это особенно отчетливо показано въ Дѣян. Апостол., въ исторіи Ананія и Сапфирь; и на этомъ же по существу основанъ монастырскій укладъ совмѣстной жизни; совершенно очевидно, что здѣсь дѣло идетъ не о принудительномъ осуществленіи соціальной справедливости, а о добровольномъ рѣшеніи людей, свободныхъ распоряжаться своей собственностью, составить единую христіанскую семью). И можно сказать, что такъ наз. «буржуазный» строй такихъ странъ, какъ напр., Франція и Англія, есть необходимое условіе для существованія «христіанскихъ соціалистовъ», т. е. людей, одушевленныхъ любовью къ нуждающимся ближнимъ и жертовно отдающихъ имъ свое имущество; тогда какъ въ такихъ странахъ, какъ коммунистическая Россія или національ-соціалистическая Германія, гдѣ соціальная солидарность (въ разныхъ формахъ) предписана начальствомъ и осуществляется при-

нудительно, «христіанскій соціалізмъ» есть явленіе почти немыслимое.

Въ этой связи намъ отчетливо уясняется принципиальное различіе между **соціализмомъ** (какъ правовымъ строемъ) и **соціальными реформами**. Соціализмъ есть, какъ указано, замысль **принудительнаго** осуществленія правды и братства между людьми; въ качествѣ такового, онъ **прямо противорѣчитъ** христіанскому сознанію **свободнаго братства во Христвѣ**. Идея же соціальныхъ реформъ или соціальнаго законодательства состоитъ въ томъ, что государство **ограничиваетъ** хозяйственную свободу тамъ, гдѣ она приводитъ къ недопустимой эксплуатаціи слабыхъ сильными; государство съ помощью принудительныхъ мѣръ защищаетъ бѣдныхъ, имущественно слабыхъ, налагаетъ запретъ на извѣстныя дѣйствія или отношенія, которыя оно считаетъ недопустимыми съ точки зрѣнія соціальной справедливости; въ остальномъ же оно не стѣсняетъ хозяйственной свободы гражданъ. Послѣдняя установка, конечно, и съ христіанской точки зрѣнія есть единственно правильная. Пояснимъ это соотношеніе простой аналогіей. Существованіе полиціи и суда, ограждающихъ членовъ общества отъ преступныхъ и неправомѣрныхъ дѣйствій отдѣльныхъ людей, конечно, необходимо и вполне правомѣрно — сужденіе христіанина въ этомъ отношеніи не будетъ отличаться отъ сужденія всякаго здравогомыслящаго человѣка («начальникъ, носящій мечъ, есть Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло» Римл. 13,4). Но совсѣмъ другое дѣло — заранѣе признавъ всѣхъ людей преступными и злыми, запереть ихъ всѣхъ въ тюрьму или сдѣлать рабами, чтобы имѣть возможность принудительно опекать ихъ и заставлять ихъ вести себя справедливо.

Рискуя тѣмъ, что христіанскому умонастроенію будетъ сдѣланъ упрекъ въ лицемѣрїи и въ равнодушіи къ матеріальной нуждѣ людей, нужно рѣшительно настаивать на томъ, что съ христіанской точки зрѣнія **свобода**, какъ условіе духовной жизни, — а тѣмъ самымъ и хозяйственная свобода — цѣннѣе всякаго матеріальнаго благополучія. Даже Ст. Милль когда то — вопреки утилитаризму — формулировалъ положеніе: «недовольный Сократъ лучше довольной свиньи». Это есть единственно правильная христіанская точка зрѣнія. **Сытымъ рабомъ** (повторяемъ: даже если бы таковые были возможны, т. е. если бы порабощеніе не приводило, какъ показываетъ опытъ, и къ обнищанію) **надо безусловно предпочесть свободныхъ людей**, даже сознавая, что свобода связана съ матеріальной необезпеченностью, съ опасностью хозяйственной нужды. Только по-

сколькѣ хозяйственная свобода сама вырождается въ порабощеніе челоуѣка и тѣмъ затрудняетъ и его духовную жизнь, право должно принудительно полагать ей, въ социальномъ законодательствѣ, предѣлъ.

Но въ этомъ принципиальномъ предпочтеніи добровольности принужденію не возвращаемся ли мы къ позиціи, уже опровергнутой опытомъ экономической исторіи? Не противорѣчимъ ли мы нашему собственному признанію, что въ виду корыстности и эгоистичности большинства людей свобода приводитъ къ эксплуатаціи экономически слабыхъ экономически сильными? Для христіанскаго сознанія есть только одинъ выходъ изъ этой трудности, но выходъ совершенно очевидный и возвращающій насъ — послѣ всего этого ориентированія въ производномъ словѣ христіанской жизни — къ центральной христіанской жизненной установкѣ. Христіанская **вѣра** есть, вѣдь, по самому существу нѣчто парадоксальное, т. е. противорѣчащее жизненному «опыту», «мудрости вѣка сего». Такъ и въ разсматриваемомъ вопросѣ. Передъ лицомъ трагической социальной судьбы челоуѣчества, сознавая свою христіанскую отвѣтственность за нее, **надо вопреки всякому опыту вѣрить въ всепобѣждающую силу жертвенной братской любви къ людямъ и проповѣди этой любви.** Если вѣрѣ дано двигать горами, то она во всякомъ случаѣ способна побѣждать зло и неправду въ жизни людей. Основная христіанская позиція въ социальномъ вопросѣ есть **крестовый походъ любви** для овладѣнія міромъ. Никто не въ состояніи установить заранѣе незыблемыя границы для плодотворнаго дѣйствія одушевленныхъ вѣрой и любовью подвиговъ братолюбія — индивидуальныхъ и коллективныхъ (вспомнимъ, напр., вліяніе нѣкоторыхъ католическихъ орденовъ въ эпоху ихъ расцвѣта). Соціальныя реформы, законодательное огражденіе интересовъ бѣдныхъ и угнетенныхъ — есть дѣло нужное, разумное, праведное и съ христіанской точки зрѣнія. Но основное христіанское рѣшеніе социального вопроса есть — вопреки всѣмъ усмѣшкамъ скептиковъ, невѣрующихъ, мудрецовъ вѣка сего — **вольная, жертвенная любовь къ ближнимъ, вдохновленная вѣрою во Христа и Его Правду — исповѣданіе не на словахъ, а на дѣлѣ, всемогущества Бога любви.**

С. Франкъ.